

Изъ недавняго прошлаго.

(1830—1867 г. г.)

Нѣсколько словъ о себѣ самомъ; моя любовь къ воспоминаніямъ о жизни дѣтской и кадетской: нѣсколько словъ о кадетѣхъ прежнихъ и нынешнихъ.

Число лѣтъ нашихъ—семьдесятъ, аще въ силахъ—восемьдесятъ, говорить священное писаніе. А мнѣ минуло семьдесятъ; слѣдательно, дни мои всѣ прожиты; но, благодареніе Богу, п это число лѣтъ не многимъ удастся прожить, а тѣмъ болѣе—чувствовать себя такъ, какъ я. Я, можно сказать, для старика здоровъ, никакими хроническими болѣзнями не страдаю; я бодръ и чувствую въ себѣ еще много энергіи, но Господу не угодно было дать мнѣ возможности примѣнять ее къ дѣлу: я спѣшу. Правда, хотѣлось бы иногда изглянуть на Божіи свѣтъ; но, судя по разсказамъ и слухамъ, теперь не такъ живутъ люди, не то что въ наше время, не по нашему. Люблю я слушать новости нынѣшняго времени, но еще болѣе люблю сравнивать ихъ со своимъ временемъ; люблю вспоминать старое, давно прожитое. Какъ ясно представляется оно, гораздо яснѣе, чѣмъ послѣдніе года; года дѣтства яснѣе, дороже и снѣтлѣе, чѣмъ зрѣлаго возраста.

Особенно пріятно мнѣ вспоминать мою жизнь въ борисѣ, свою кадетскую жизнь. Охотно слушаю я разсказы нынѣшнихъ бабетъ и юнкеровъ про ихъ жите-быте; в какъ они ни хвали его, немально приходится сказать: иные времена, иные нравы; а все же наше время было лучше. Теплѣе, сердечнѣе были люди, проще, отзывчивѣе. Эта-то простота и сердечность и были причиною той разницы въ отношеніяхъ и товарищей, и начальствъ. Прежде мы къ великому князю Михаилу Павловичу подходили безъ меньшаго страха и говорили откровеннѣе, чѣмъ нынѣшній надеть говорить съ своимъ ротнымъ командиромъ.

I.

Составъ нашей семьи,—братъ Ваня.—Жизнь въ Петербургѣ.—Коломна, церковь Михаила Архангела и Покрова Пресвятой Богородицы; площадь «Козье болото»; няня Ульяна Васильевна; два священника при церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, мое крещеніе въ ней и частыя посѣщенія, состояніе ея въ 80-хъ годахъ.—Мой неудачный первый опытъ благого чтенія.—Характеръ мой и брата Вани, случай съ ними въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, смерть Вани.

Сколько я помню, насъ была большая семья: отецъ, мать, няня Ульяна Васильевна, я и три или четыре брата, изъ которыхъ выросъ только одинъ, сѣдовавшій за мною—Ваня.

Живемъ мы въ Петербургѣ,—въ Коломнѣ. Изъ верхнихъ оконъ нашего дома видно церковь Михаила Архангела и Покрова Пресвятыя Богородицы, а два ангела на углу крыши тюремнаго замка.

Нашъ домъ, кажется, единственный, двухъ-этажный. Кругомъ все—маленькіе, деревянные. Противъ нашего дома, черезъ дорогу, начинается громадная площадь, поросшая травою и почти сплошь покрытая одуванчиками; называется она „Козье Болото“. Нынѣ этого мѣста не узнаешь. Вотъ на эту-то площадь мы очень любили ходить гулять съ братомъ Ваней и нашей степенной няней, которую у насъ всѣ, даже отецъ, звали Ульяной Васильевной.

Она пользовалась особымъ уваженіемъ въ нашей семьѣ и платила намъ искренней любовью. Особенно она любила брата Ваню; она, кажется, была его кормилицей. Помню, какъ она нѣсколько разъ прѣзжала съ мамой къ намъ въ корпусъ, а потомъ мы иногда навѣщали ее въ богадѣльнѣ (когда мы оба были отданы въ корпусъ, Ульяна Васильевна переселилась въ богадѣльню). Последній разъ я видѣлъ ее черезъ нѣсколько дней послѣ выпуска въ офицеры. Какъ искренно радовалась она и желала мнѣ счастья, видя меня не чужимъ вогъ подъ собою, вновь испеченнымъ офицеромъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я горевала, что, видно, Господь уже не приведетъ ей видѣть дорогого Ванюшку такимъ же щеголемъ. И дѣйствительно, Господь снялъ ее ранѣе, хотя только черезъ годъ послѣ меня былъ произведенъ въ офицеры и Ваня; а онъ, цвѣтущій, высокій, въ своей уланской формѣ выглядѣлъ несравненно щеголеватѣе меня,—маленькаго, худенькаго, въ армейскомъ мундирѣ, хотя и съ чернымъ воротничкомъ, которымъ я очень гордился и который мнѣ стоилъ не малыхъ полевій.

Посмерти няни мама записала ее въ свое поминаніе, а потомъ я переписалъ въ свое, такъ что няня Іудилѣна не исчезло безслѣдно, хотя представителемъ семьи, въ которой она была слугой-другомъ, остался я одинъ.

Пользовались Ульяна Васильевна уваженіемъ и отъ знакомыхъ, особенно за то, что очень удачно растолковывала сны. Отецъ мой, не будучи суевѣромъ, однажды долженъ былъ признать оя авторитетъ. Я уже говорила, что у меня, кромѣ брата Вани, было еще нѣсколько младшихъ братьевъ. Однажды мама за утреннимъ чаемъ рассказала сонъ: Она видѣла, что будто-бы ангелы, которые стоятъ въ крышѣ тюремнаго замка, вдругъ оживились и проворатились въ двухъ младшихъ братьевъ. Мама видѣла въ этомъ нѣчто хорошее. Но Ульяна Васильевна заявила, что эти оба брата непременно умрутъ. Отецъ, сидѣвшій тутъ же за чаемъ, скавалъ что-то разное и, разсерженный, вышелъ. Братья въ это время были здоровы и продолжали попрежнему играть; только чрезъ нѣсколько дней спустя няня, одѣвая насъ, какъ и всегда, для прогулки, сказала, что отвезетъ насъ къ дядѣ, гдѣ мы и погостимъ, потому что братья больны. Мы очень любили вѣдуть къ дядѣ, а потому обрадовались этой повѣдѣ. Когда мы вернулись домой, то братцевъ обояхъ не было, а мама часто плакала, изъ чего я и заключилъ, что они умерли. Эта же Ульяна Васильевна замѣчательна тѣмъ, что, не смотря на свои старые года, имѣла громадную, ниже колѣнъ, черную, какъ смола, косу; говорили, что уже только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти она позвонила отрѣзать ео парикахеру, который далъ ей за нее 25 рублей ассигнаціями; а то это она сдѣлала только потому, что желала помочь своей внучкѣ невѣстѣ, а больше она ничего не имѣла.

Хотя церковь Михаила Архангела была и ближе къ намъ, но мама почему-то предпочитала, да и я охотнѣе ходила къ Покрову: очень хорошіе были тамъ два старичка священника; очень вкусныя они давали всегда просирикки, до которыхъ я былъ большой охотникъ. Здѣсь же я и крещенъ 19 мая 1824 года. Въ этой церкви я бывалъ и послѣ, даже во время своихъ короткихъ наѣздовъ въ Петербургъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ ее въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Какъ прежде, такъ и тогда она ни по внѣшнему, ни по внутреннему виду, не измѣнилась: такая же небольшая, низкая, мрачная, какъ и была, даже аллеика противъ церкви, разсаженная въ видѣ полукруга, въ который упирается большая Садовая улица, и та не измѣнилась; только прежде эта церковь была на площади, а теперь дома ближе къ ней.

Помню я также: выучился я уже читать довольно бѣгло; отецъ, желая поощрить меня, принесъ серебряный рубль Павловскихъ временъ; на немъ была надпись: „не мамъ, не мамъ, а имени твоему“ ¹⁾.

¹⁾ Это была, вѣроятно, медаль въ память 1812 г.

Подавая мнѣ рубль, отецъ сказалъ мнѣ: „Ну, Паша, прочтешь иѣрно, твой будетъ“:

И я прочелъ: „Но намъ, не намъ, а именно Вамъ“.

— Ну, что же? спасибо, сказалъ отецъ, положилъ рубль въ карманъ и ушелъ.

Сколько слезъ у меня было потомъ! И вообще, мнѣ за мою суетливостъ и шалости не мало приходилось плакать. Ваня былъ гораздо шаловливѣе, но онъ рѣже попадался. Я былъ веселѣе и уступчивѣе, Ваня настойчивѣе и болѣе сердитый. Но какъ жизнь вѣ обстоятельство мѣняютъ людей! Впослѣдствіи я вышелъ осторожный и настойчивый, а Ваня—вспыльчивый, педержвый. Господь рано прибралъ его, онъ умеръ въ 54-мъ году, отъ холеры; а то не мало пришлось бы ему видѣть горя и непріятностей отъ своей несдержности. Расскажу кстати одинъ фактъ, характеризующій Ваню.

Пріѣхали мы въ Москву, уже будучи оба офицерами; зашли въ Архангельскій соборъ, въ усыпальницу. Дѣло было около вечера, службы еще не было, но народъ понемногу начиналъ собираться. Къ намъ подошелъ молодой челоуѣкъ, въ длинной одеждѣ, вѣроятно—послушникъ и предложилъ намъ свои услуги показать соборъ и гробницы. Мы отправились. Впереди шелъ проводникъ, за нимъ—Ваня, затѣмъ—я. Только что мы начали вашъ обходъ у одной изъ первыхъ гробницъ, нашъ послушникъ сообщаетъ:

„Здѣсь погребены Іоаннъ Калита за 250 лѣтъ до Рождества Христова“.

— „Что? загремѣлъ Ваня, покраснѣвъ отъ гнѣва и наступая на послушника. Тотъ попятился.“

— „Что ты сказалъ, подлецъ? да какъ ты смѣлъ! уже окончательно вышелъ изъ себя Ваня.“

Послушникъ—отъ насъ, Ваня—за нихъ. Видя, что дѣло плохо, нашъ проводникъ, подобравъ полы своей ряскы, пустился бѣгомъ, ловко лавируя между гробницами. Ваня—за нихъ. Представьте картину: запыхавшійся послушникъ, подобравшій свою рясу, и гвардейскій офицеръ, бѣгающіе, что есть силы, между царскими гробницами въ храмѣ! А народъ по-маленьку между тѣмъ прибываетъ. Наконецъ, послушникъ свернулъ въ сторону и нырнулъ въ какую-то маленькую дверцу на дворъ. Ваня было уже хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но тутъ подоспѣлъ я къ взявъ Ваню за рукавъ, сталъ его уговаривать...

II.

Мое ученье въ католической школѣ, ея влияние на меня, старательные учителя-иезуиты, похороны бискупа Сестринкевича.—Мой переходъ въ лютеранскую школу, учителя этой школы и ея влияние.—Пожаръ въ балаганѣ Лемана по случаю представленія «страшный судъ», постоянныя несчастія при представленіи этой пьесы.

И—привосланный, даже до фанатизма, не смотря на то, что я обучался въ дѣтствѣ жъ двухъ первоначальныхъ школахъ—католической и лютеранской. Въ нихъ я обучался потому, что тогда еще считали такія школы болѣе удовлетворяющими, — и главное за то, что въ нихъ обучали языкамъ французскому и нѣмецкому, рисованію, танцамъ, географіи; въ было только русскаго языка, ему нужно было учиться на дому.

Учителями были иезуиты. Я былъ очень послушный ихъ ученикъ и понятливый. Всѣ ихъ приемы я усвоивалъ очень хорошо, за что получалъ отъ нихъ въ награду книжечки разнаго содержанія. Особенно любилъ меня мой учитель за то, что я звалъ вѣнзусгъ молитву Господню „Pater noster“.

Не разъ я участвовалъ при богослуженіи католическомъ. Припоминаются особенно похороны ихъ главнаго бискупа Сестринкевича. Собственно я принималъ участіе при этихъ похоронахъ тѣмъ, что во время богослуженія я зvonилъ въ колокольчикъ въ нужныхъ случаяхъ и такъ же, какъ и всѣ, стоялъ съ молитвенникомъ, становился на колѣна и пр.

Но всѣ мои такія старанія не остались безнаказанными. Со мной имѣлъ въ одномъ классѣ учился младшій мой братъ Вава. Отъ особенно завидовалъ мнѣ за книжечки, картинки, которыми меня щедро награждали внимательные патеры. Однажды въ классѣ, передъ приходомъ учителя, я прочиталъ молитву „Pater noster“: а ее должны были читать воспитанники-католики. Картинка то была за мною. Но Вава рассказалъ этотъ случай отцу. Тотъ узналъ въ этомъ фактѣ прямое влияние католической школы, прежде всего по-отечески меня наказалъ (розгами), а потомъ извѣлъ меня изъ этого училища и отдалъ въ лютеранское.

Въ послѣднемъ проходились тѣ же науки, какъ и въ католическомъ, хотя и съ инымъ духомъ. Если бы не ризжезавный случай, я, можетъ быть, и дѣйствительно сдѣлался бы католикомъ, по своимъ убѣжденіямъ, или былъ бы безразличенъ, но теперь я вѣнзусгъ католикомъ и въ этомъ случаѣ лютеранское училище мнѣ принесло пользу (sic.).

Благодаря усерднымъ и старательнымъ воспитателямъ, которые ни во что ставили мою первую школу со всѣмъ ея католицизмомъ, и я

отсталъ отъ него. Обѣ школы принесли мнѣ, кромѣ главной—первоначальнаго образованія, ту пользу, что я вѣскольکو подробно ознакомился съ католическими и лютеранскими вѣрованіями.

Не люблю я театровъ, но особенно не терплю и даже боюсь балагановъ. Причина этому вотъ какая. Въ одинъ изъ праздниковъ, не помню только — на снѣткахъ или на масляной недѣлѣ, помню только, что былъ холодный день, — послѣ завтрака мамонька предложила намъ пойти на балаганы. Отецъ не особенно охотно пускалъ насъ: онъ не любилъ балаганы за ихъ пошлость; но мамонька сказала, что мы пойдемъ въ театръ Лемана, что тамъ должно быть представленіе „Страшный судъ“. Мы одѣлись и пошли. Немного не доходя до Марсова поля (и тогда, какъ и теперь на масляной и снѣткахъ балаганы строились на Марсовомъ полѣ), мы увидали свачуцкихъ пожарныхъ, которые перенесли насъ.

— Что такое? Гдѣ пожаръ? Говорятъ:—На балаганахъ.

Мама хотѣла было возвратиться, но мы упростили ее пойти посмотреть пожаръ. Маленькихъ дѣтей съ нянькой посадили на извозчика и отправили домой; а я съ братомъ и мамой, чтобы избѣжать сильной давки, перешли Екатерининскій каналъ и пошли въ обходъ. Страшный шумъ и крики были слышны намъ, но самого мѣста пожара по было еще видно. Но вотъ, наконецъ, и площадь. Огня не видно, горятъ внутри, горитъ театръ Лемана.

— Боже мой! Что это? Крики, раздвѣрающіе душу, но помочь не могутъ.

Въ ожиданіи такого представленія народу набралось много. Случилось несчастье, повалился дымъ изъ-подъ полу на сценѣ; крикнуть кто-то „горимъ“, всѣ, потерявъ голову, бросились къ дверямъ; двери, во избѣжаніи того, чтобы не пробрался кто безъ билета, были уже затворены, а отворялись онѣ внутрь. И вотъ несчастные сами заперли себя выходъ, крики, зрѣвъ, крики...

Кто разъ ихъ слышалъ, такъ долго не забудетъ! Все еще только налилъ дымъ. Но вотъ мѣстами стало пробиваться пламя. Пожарные работаютъ, ломаютъ крышу... Но что это?.. На углу въ одну изъ продѣланныхъ дыръ появилась рука и голова съ крикомъ о помощи, съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ: голова эта была размазанной головой клоуна, въ дурацкомъ колпакѣ. Каково предстать въ такомъ видѣ предъ Судьею Праведнымъ? Какъ ни индифферентъ будь человѣкъ, а въ страшную минуту всякій вспомнить Бога!

Мы съ братомъ плакали, но не хотѣли уходить. Матушка едва усадила насъ на сани и увезла домой, гдѣ отецъ уже страшно вол-

новался и сердился на маму, что она позволила намъ смотреть пожаръ.

Почти всѣ сгорѣли, кто былъ въ балаганѣ. Не допустилъ Господь людской гордыни постачъ судьбы Божіи! Это былъ страшный пожаръ. Вѣроятно многіе изъ Петербуржцевъ и теперь, если не сама, то по рассказамъ, знаютъ объ этомъ пожарѣ. Насъ Господь спасъ, и я далъ себѣ слово, никогда не бывать ни въ какихъ балаганахъ, и сдержалъ его; не пускалъ и дѣтей своихъ, пока они были малы; не совѣтовалъ и всегда волновался, молился за нихъ, если они бывали въ балаганѣ, театрѣ или циркѣ, когда уже подросли.

Слыхалъ я, что и потомъ, сколько разъ ни пытались поставить на сцену „Страшный судъ“, никогда не удавалась эта пьеса и всегда сопровождалась большими или меньшими несчастіями, — обыкновенно пожаромъ. Объясняютъ, что это очень трудно, что должны быть проведены трубы подъ поломъ, что слишкомъ много пламени и часто, дескать, просто по неосторожности и неумѣию. А я утѣшевъ, что и никогда не удастся, что Господь этого не попуститъ.

III.

Моя поездка и поступленіе въ Московскій кадетскій корпусъ; — и знаменитости обиваются! Доктора этого корпуса, капитанъ Мельниковъ; кратковременное пребываніе въ Московскомъ корпусѣ. — Переходъ во 2-й Петербургскій кадетскій корпусъ, отношеніе ихъ къ кадетамъ Дворянскаго полка. — День кадета 2-го Петербургскаго корпуса: прогулка въ Петровскій паркъ; праздничные отпуска и ихъ условія. — Лагерная жизнь въ Петергофѣ, прямо на гулянье въ Александрію во время пребыванія тамъ Государыни Императрицы Александры Осодоровны; игры около фонтана, милостивое вниманіе Государыни; вапъ шалость.

Давно уже я зналъ, что меня отвезутъ въ Московскій кадетскій корпусъ, что въ Петербургскомъ нѣтъ вакансій. Хотя меня и утѣшали, что при первой открывшейся вакансіи меня порекомендуютъ, но я мало вѣрилъ въ это и сильно печалился. Сильно любилъ я матушку, и со слезами уговаривалъ отложить поездку еще хоть на денекъ, всякій разъ какъ заговаривали о приближающемся отъѣздѣ. Однажды утромъ отецъ категорически сказалъ: „Пора вхатъ, собирайтесь; а то опоздаете“. Я совсѣмъ затосковалъ. Матушка плакала. Отецъ часто ворчалъ и торопилъ матушку. Нѣсколько дней прошло за сборами; затѣмъ недѣле въ дорогѣ (мы вхали въ дилижансѣ, на четвергѣ), и кончилось все тѣмъ, что мы опоздали: медицинскій осмотръ былъ уже конченъ, начался экзамены; меня не хотѣли допускать до экзамена, но потомъ, благодаря вліятельному дядѣ, жившему въ Москвѣ, я былъ допущенъ до экзаме-

нонѣ, выдержалъ ихъ я былъ принятъ. Подъ медицинскій осмотръ я, къ счастью, такъ и не попалъ. Послѣ я не разъ слыхалъ отъ вашего доктора очень неостынные для себя отзывы; называлъ онъ меня и хилымъ, и слабымъ; а однажды, разсердившись, прямо въ глаза мнѣ сказалъ: „И куда приняли такого чохоточнаго? какой изъ него выйдетъ офицеръ? Ну, похоронимъ“, такъ заключилъ въ этотъ разъ свою рѣчь этотъ докторъ. А я я до сихъ поръ, слава Богу, живъ и здоровъ. Вотъ какъ и знаменитости могутъ ошибаться! А нашъ докторъ пользовался авторитетомъ. Я просто очень сильно тосковалъ; потомъ, когда переѣхалъ изъ Петербурга, попалъ подъ отечески-заботливый уходъ нашего дорогого Андрея Егоровича (о немъ будетъ рѣчь впереди) и выздоровѣлъ.

Изъ корпусной жизни въ Москвѣ у меня осталось очень немного воспоминаній. Помню только доктора, который, какъ я сказалъ, допымалъ меня. Помню еще капитана Мельникова; это былъ вашъ корпусной офицеръ, человѣкъ въ высшей степени добрый, радушный; къ нему я ходилъ въ отпускъ по праздничнымъ днямъ; у него былъ сынъ, мой ровесникъ.

Не знаю,—годъ или два я пробылъ въ Московскомъ корпусѣ, и былъ перенеденъ во второй кадетскій Петербургскій корпусъ; знаю, что былъ принятъ въ средніе классы, въ младшій изъ среднихъ классовъ.

По традиціямъ второго кадетскаго корпуса, кадеты Московскаго корпуса пользуются особою любовью и нпкакимъ испытаніямъ, какому богато каждое учебное заведеніе, кадетъ москвичъ здѣсь не подвергается. И вотъ, съ переездомъ изъ Москвы въ Петербургъ, я сразу ожилъ, какъ рыба въ воду попалъ; учился я посредственно, впрочемъ нигдѣ по два года не сидѣлъ, шалунъ же я былъ первоистатейный.

По своему характеру, кадеты 2 кад. корпуса существенно отличались отъ другихъ кадетовъ, напримѣръ,—отъ кадетовъ Дворянскаго полка. Дворянскій полкъ помѣщался по другую сторону улицы, на правой рукѣ Большой Спасской улицы, что на Петербургской сторонѣ, и занималъ большое, красное, трехъ-этажное зданіе. Лицевая сторона этого корпуса была обращена къ набережную рѣки Ждановки, на Спасскую же выходилъ дворъ и мавейъ. Слѣдственно, случаевъ для истрѣчь я сеоръ съ кадетами Дворянскаго полка бывало много. Мы не любили Дворянскій полкъ. Намъ казалось, что у нихъ мало военнаго духа, что они больше любятъ танцевать чѣмъ драться; за это мы называли ихъ „шаркунами“, давали и другія названія, не совсемъ благозвучныя. Не любовь эта проходила, вѣроятно, еще потому, что Павловскіе кадеты 1 и 2 корпусовъ составляли одинъ полкъ, а дворянскій корпусъ входилъ въ составъ другого полка, на маневрахъ они всегда бывали

нашими противниками. Великому князю Михаилу Павловичу очень не нравились эти отношенія кадетовъ между собою и онъ задумалъ сблизить насъ, а для этого мы по праздникамъ должны были ходить въ гости другъ къ другу: нѣсколько кадетовъ шли въ нашъ, а наши — къ нимъ. Мы не любили этихъ визитовъ и больше всего не любили за то, что мы должны были въ гостяхъ обѣдать, а намъ не нравился столъ Дворянскаго полка. Впрочемъ, все долго продолжались эти взаимные визиты. Однажды гости поссорились съ хозяевами и поколотили ихъ. Случилось это въ Дворянскомъ полку. Великому князю Михаилу Павловичу доложили, что мы производимъ безпорядки, и визиты наши прекратились.

День нашъ обыкновенно проходилъ такъ:

Въ шесть часовъ утра былъ барабанъ вставать. Наскоро одѣвшись, всѣ шли въ церковь на молитву, затѣмъ — въ столовую, гдѣ намъ давали по большой кружкѣ горячаго сбитня и по большому ломтю хлѣба. Затѣмъ бѣжали въ роты за книгами и въ классы, причемъ, пробѣгая по коридору мимо дверей церкви, каждый крестился, а многіе кланялись земной поклонъ. Въ восемь часовъ начинались уже уроки до одиннадцати часовъ. Въ одиннадцать мы шли изъ роты, куда приносились громадные корзины съ хлѣбомъ. Каждый спѣшилъ поскорѣе захватить горбушку. Порціи были достаточно велики, чтобы перекусить. Часовъ изъ двѣнадцати насъ пускали во дворъ на плацъ, гдѣ и предоставлялась намъ полная свобода: кто игралъ въ лапту, кто въ городки, кто изъ мячъ. Эти прогулки мы совершали ежедневно, даже зимой; только въ дождливую погоду, или въ большой морозъ насъ водили въ манежъ, въ гимнастическій залъ.

Дворъ былъ громадный, онъ занималъ почти цѣлый кварталъ, онъ шелъ по набережной рѣки Идановки, по Музыкантскому переулку и по Спасевоу улицѣ; до восьмидесятихъ годовъ онъ былъ такой же, какъ и прежде.

Въ каждый прїѣздъ въ Петербургъ я нарочно ѣздила на Петербургскую сторону, чтобы посмотреть на свой корпусъ; до сихъ поръ чувствуется что-то родное при одномъ воспоминаніи о немъ; если случался праздникъ, то я заходила въ церковь.

Иногда мы совершали прогулки въ Петровский паркъ, который — противъ корпуса, по ту сторону рѣки Идановки. Прекрасный, тѣнистый прудъ, — но теперь онъ сталъ очень людный; въ этомъ же паркѣ мы праздновали свое производство въ офицеры. Судя по погодѣ, мы гуляли здѣсь иногда до обѣда.

Въ два часа шла обѣдать; обѣдъ былъ всегда сытный. Послѣ обѣда опять въ роты за книгами и въ классы. Въ три часа начинались вечерніе классы, продолжавшіеся до шеста часовъ.

Послѣ классовъ предоставлялась намъ полная свобода, а иногда у насъ бывали въ это время танцы. Затѣмъ — опять сытный ужинъ, молитва и въ восемь часовъ ложился спать.

Домой насъ отпускали по воскресеньямъ или праздникамъ не особенно охотно. Во-первыхъ, было необходимо, чтобы въ теченіи педѣля не было ни одной неудовлетворительной отгѣтки, конечно, чтобы не было и особенныхъ шалостей, но ихъ прощали чаще, чѣмъ дурную отгѣтку. Второе условіе было, чтобы за отпускаемыми кадетами пришелъ кто-нибудь изъ родныхъ, или посланный; иногда отпускали въ сопровожденіи кадета старшаго класса. Затѣмъ, если погода была не хороша или очень морозна, то отпускали не иначе, какъ въ экипажѣ. На углу у Тучкова моста какъ прежде, такъ и теперь была баржа, преимущественно стояли кареты. Какъ сами кадеты такъ и родные ихъ, чтобы получить отпускъ, занимали карету отъ угла моста до корпуса; также и возвращались кадеты: пройдуть мостъ, садятся въ карету и торжественно подъезжаютъ къ крыльцу.

Лагерная наша жизнь мало чѣмъ отличалась отъ лагерной жизни кадетовъ нынѣшнихъ: тѣ же ученія, разводы, примѣрные сраженія...

Жили мы въ палаткахъ, по линіи къ Петергофѣ, свободно гуляли въ паркѣ; а когда бывала въ Петергофѣ государыня императрица Александра Ѳеодоровна, кадеты пользовались правомъ бывать въ Александріи, тогда какъ и офицеры все пользовались этимъ преимуществомъ. Государыня любила смотрѣть, какъ кадеты играютъ около фонтана: мы очень любили бросать яблоки или апельсины, когда фонтаны бьются пулями; пужно было попасть въ средину восходящей струи, тогда яблоко быстро летитъ вверхъ; достигнувъ самаго верха, падаетъ обратно въ бассейнъ. Государыня часто сама бросала намъ съ балкона конфеты, апельсины и яблоки.

Любила мы Александрію еще и за то, что тамъ можно было почти безвакантно пошалить. Можно было, конечно, встрѣтить Государя или кого-нибудь изъ князей; но у насъ былъ условный знакъ; одинъ изъ товарищей прекрасно кричалъ павой, въ Александріи павъ очень много; собирались мы обыкновенно въ углу, противоположномъ тому, гдѣ па-сутся павы, чтобы не принять сигналы за крикъ настоящей павы, при-томъ наша павя всегда кричала три раза.

Изъ лагерной жизни припоминается еще одинъ замѣчательный слу-чай.—Я всегда боялся воды, а потому боялся и купаться; сколько ни

старался выучить меня плавать, но я такъ а не выучился; я никакъ не могъ рѣшиться поплыть одинъ, а потому когда мы бывали въ Петергофѣ въ лагеряхъ, когда нельзя было избѣжать купанья, — а я всѣми силами старался избѣжать его, — я всегда вертѣлся около мостковъ и каната (мы купались тогда на открытомъ воздухѣ: были длинные мостки потому что у берега было мелко, а затѣмъ плоть и нѣсколько ссымеекъ для раздѣванья).

Вотъ, однажды раздѣвшись п плазныши изъ воду для проформы, я уже сидѣлъ на мосткахъ и думалъ одѣваться, — вижу къ намъ идетъ Государь Николай Павловичъ. Посмотрѣлъ я кругомъ: всѣ товарищи еще изъ водѣ.

„Что же, думаю, нужно и мнѣ въ воду!“ Соскочилъ въ воду съ мостковъ, хотѣлъ идти, но боязнь холодной воды не пускала меня дальше. А Государь между тѣмъ поронился со мною.

— „Что же ты не идешь дальше?“ — спросилъ у меня Государь.

— „Холодна вода, Ваше Императорское Величество“ — отпѣтилъ я струсивъ, сознавъ, въ то же время, что этого-то отпѣта и не должно было давать.

— „Ну, подожди! Я велю повару подогрѣть“; милостиво пошутить Государь я пошелъ дальше.

IV.

Наши воспитатели и учителя. — Директоры: генералъ Мирковичъ и А. М. Бибиковъ. — Инспекторы — Я. Ф. Ортенбергъ. — Ротный командиръ Германъ. — Полковникъ Игнатьевъ. — Докторъ Андрей Егоровичъ и фельдшеръ Ермилъ. — случай со мной изъ экзаменъ въ присутствіи Я. И. Ростовцева. — А. М. Самойловичъ — Ив. Ив. Вернеръ — Нѣмецъ Ферей. Инспекторъ Куторга. — Заовочуватели, священникъ Ив. Ив. Протоповъ. — Учитель математики Топильскій и Я. Ф. Ортенбергъ. — Математическій курьеръ.

При поступленіи моемъ въ корпусъ директоромъ корпуса былъ генералъ Мирковичъ; знаю, что онъ былъ боевой генералъ и былъ нѣсколько разъ раненъ; впоследствии, изъ Венгерскую компанію, онъ былъ вице-королемъ Молдавіи и Валахіи: болѣе подробныхъ изложеній о немъ у меня не сохранилось.

Послѣ него директоромъ корпуса былъ генералъ-майоръ Аполлонъ Ильичъ Бибиковъ, высокій, толстый, замѣчательно добродушный человекъ; къ нему примѣняли поговорку: „въ родню былъ толстъ да не въ родню былъ простъ“. Кадеты про него говорили, что это „слонъ на воеводствѣ“. Онъ не любилъ телесныхъ наказаній и назначалъ ихъ

рѣдко. Самымъ сильнымъ изисканіемъ считалась „сѣрая куртка“; вмѣсто нашего красиваго, чернаго мундирчика чернаго сукна съ свѣтлыми пуговицами и погонами надѣвали куртку толстаго, сѣраго солдатскаго сукна.

Съ кадетами онъ былъ ласковъ. Встрѣтить бывало кадета на корридорѣ, потреплетъ по плечу и спроситъ густымъ басомъ: „Ну, что, козпакъ, тянешь носокъ?“—въ при этомъ покажетъ на вытянутый носокъ своей ноги.

— „Такъ точно, наше превосходительство!“—отвѣтитъ кадетъ.

— „Ну, то-то; тяни, тяни!“—заключалъ обыкновенно Аполлонъ Ильичъ.

Съ нимъ былъ однажды такой смѣшной случай.

Поступилъ къ намъ новый учитель Городковъ, маленькій, худенькій, щедушненькій. Вотъ однажды Бибиловъ догоняетъ на корридорѣ этого учителя, положилъ руку на плечо и со словами „ну, что, козпакъ и т. д.“ потрепалъ его и, не дожидаясь отвѣта отъ растеряшагося учителя, пошелъ дальше. Подоспѣвшій на эту сцену инспекторъ объяснилъ, что это былъ учитель.

— „Ну, чортъ же его зналъ!“—засмѣялся добродушно Аполлонъ Ильичъ и поспѣшилъ скрыться изъ корридора.

Живо представляю себѣ нашего инспектора классовъ Я. Ѳ. Ортеверга.

Вотъ онъ неспѣшно входитъ въ классъ, ищетъ глазами меня и въ это время похлопываетъ табакерочку; увидавъ меня, обращается со словомъ: „ну, что, боберъ? опять напашалъ?“ (онъ любилъ меня и звалъ бобромъ за то, что въ моихъ густыхъ темныхъ волосахъ очень рано начали появляться сѣдины; я былъ произведенъ въ офицеры на половину сѣдой, особенно на затылкѣ и вискахъ, а мнѣ было тогда только 19 лѣтъ).

— „Напашалъ ваше превосходительство!“—отвѣчаетъ боберъ и начинаетъ рассказывать, какъ было дѣло.

— „Ну, конечно! Я такъ и зналъ, ты не можешь не шалить“.

— Я такъ много шалилъ, что въ роту его высочества попалъ только въ послѣдній годъ и то потому, что по правиламъ нельзя быть произведенному въ офицеры, не будучи унтеръ-офицеромъ или, по крайней мѣрѣ, не будучи въ ротѣ его высочества наслѣдника цесаревича.

— „Потерпи, боберъ, немного, унтеръ-офицера получишь“.

Я крѣпился но не могъ долго выдерживать.

Помню, моя шалости разъ зашли такъ далеко, что на совѣтѣ было предложено выпустить меня изъ юнкера. Но тутъ меня спасли нашъ ротный командиръ Германъ и полковникъ Инглисъ.

Этотъ послѣдній былъ большой чудакъ, самый старѣйшій и уважаемый преподаватель, старшій членъ совѣта, въ которомъ онъ имѣлъ сильный голосъ. Когда къ нему обращались за сужденіемъ о томъ-либо изъ кадетовъ, то онъ дѣлалъ такъ: помолчавъ немного и переспросивъ раза два фамилію, не торопясь, вынимаетъ изъ кармана очки, вытираетъ ихъ, надѣваетъ; затѣмъ, также, не торопясь, вынимаетъ запасную книжку, еще разъ-два переспроситъ фамилію, вытягивая губы и присвистывая, начинаетъ рыться въ своей очень объемистой книжкѣ; у него были записаны всѣ проступки ученика; особенно онъ не любилъ, чтобы смѣялась кадеты; наконецъ, фамилія найдена; тогда еще разъ вынимается платокъ, также вѣспѣшно протираются очки и затѣмъ полковникъ произноситъ свой приговоръ; и совершенно бесполезно разубѣждать и спорить съ нимъ, онъ останется непоколебимымъ, а мнѣніе его, какъ старшаго члена совѣта и человѣка, всѣми уважаемаго, всегда уважалось.

Такъ было и со мною. — Полковникъ нашелъ мою фамилію и прочелъ: „одиннадцать балловъ, и ни разу не смѣялся; въ юнкера? Нѣтъ, нельзя. Одиннадцать балловъ и ни разу не смѣялся; никакъ нельзя, никакъ нельзя; я не согласенъ; онъ—хорошій мальчикъ“.

Я, правда, и учился, и волъ себя на его урокахъ хорошо; во-первыхъ, потому, что съ ранняго дѣтства я привыкъ уважать стариковъ; во-вторыхъ, я любилъ математикъ и охотно занимался ею; а иногда, грубшій человекъ, и просто потому, что поспорю на пироги и дѣльный часъ не спущу глазъ съ Иглицеа, сижу и смотрю, какъ онъ то вытягиваетъ, то выдвигаетъ свои беззубныя челюсти. И это спасло меня. Иглицеа поддержалъ мой ротный и я остался въ наказанніи. Не зная баронъ Г., что у насъ существуютъ про него стихи:

«Ворона Г—ъ, аккуратный,
Хоть глушь, а смотреть пѣтухъ;
Породой хвастается звантой,
Сидѣть хочетъ повернуть вверхъ двомъ».

Не слыжалъ онъ также, что частенько, здороваясь съ нимъ, мы говорили: не „баронъ“, а „воронъ“. Не помню про кого, у насъ ходила еще такіе стихи:

«Бажетиса отрогаго порядка,
Даваловъ вѣчно дома спитъ;
Андрей Ивановичъ пьетъ порядкомъ
И всѣхъ усервіе кричитъ».

Былъ у насъ докторъ Андрей Егоровичъ и фельдшеръ Ермилычъ, какъ мы его звали.

Я всегда съ благодарностію вспоминаю ихъ, особенно пернаго. Это — не былъ докторъ, офіяціально, исполняющій свои обязанности и кромѣ лазарета ничего не знающій; это былъ чадодлюбивый отецъ; я увѣренъ, что теперь не встрѣтишь такого. Расскажу одинъ случай его любви къ намъ, не какъ къ больнымъ, а какъ къ дѣтямъ. Случай этотъ былъ со мной.

Идемъ на экзаменъ Якова Ивановича Ростовцева, спидитъ едва живы; надо сказать, что кадеты боялись его гораздо больше, чѣмъ великаго князя Михаила Павловича, хотя самъ Я. И. побавался великаго князя.

Пріѣзжаетъ Яковъ Ивановичъ, смотримъ „бѣда“. Я. И. не можетъ выговорить ни слова. (Ростовцевъ сильно замкался, но когда былъ взнолнованъ, завкался еще болѣе; разобратъ, что онъ говоритъ, тогда было очень трудно; но показатъ, что мы не понимаемъ его, совсѣмъ бѣда). Продолжается экзаменъ. Начиннаютъ съ учениковъ, пѣвущихъ высшій баллъ. У меня — одиннадцатъ. Вскорѣ вызывають и меня. беру билетъ, кажотся, — знаю, во гдѣ же уже тутъ обдумывать? начиннаю отвѣчать; вдругъ Ростовцевъ задаетъ мнѣ какой-то вопросъ, ни чего не понимаю, трушу еще болѣе; онъ еще что-то говоритъ, я опять ни слова не понимаю; вижу только, что Ростовцевъ сердится, багровѣетъ, кричитъ, издавая только отдѣльные звуки; тутъ уже я до того струсналъ, что не помню, какъ меня вывели подъ руки изъ зала. Опомнился я немного, ноги трясутся, сердце хотеть выскочить. „Что, думаю, будетъ со мною? исключать, останать на второй годъ, а при томъ еще высѣкутъ; сахое лучшее, что могло быть, это — снова вызовутъ меня и заставятъ отвѣчать“. Но и это лучшее показалось мнѣ самымъ страшнымъ. Нѣтъ, лучше все, что угодно, но только не являться опять предъ Ростовцевымъ. Не знаю какъ, вспомнилъ я Андрея Егоровича; вспомнилъ, что онъ долженъ быть теперь въ лазаретъ и побѣжалъ къ нему.

— „Андрей Егоровичъ, спасите!“

— „Что, сръзался?“

Кое-какъ, торопясь и волнуясь, я рассказалъ ему, какъ было дѣло, прося помочь мнѣ.

— „Ну, дуракъ, успокойся!“ (слово „дуракъ“ Андрей Егоровичъ употреблялъ очень часто; но въ его устахъ оно не было оскорбительнымъ, а скорѣе ласкательнымъ; а иногда онъ произноситъ его такъ, что невнятно было, въ кому оно относилось). „Ермилычъ, возьми его!“ и затѣмъ въ полъ-голоса далъ ему еще какія-то приказанія. Ермилычъ

принялъ меня въ маленькую, угловую, самую удаленную въ лазаретъ комнату, заставилъ раздѣться и уложилъ въ постель, далъ какихъ-то капель и ушелъ. Нѣсколько спустя слышалъ я шаги по корридору; опять сердце замерло у меня, но никто ко мнѣ не пошелъ; спустя нѣсколько минутъ, опять повторились шаги по корридору; на этотъ разъ дверь въ мою комнату отворилась, просунулась голова моего ротнаго командира, во сейчасъ же опять затворилась; слышалъ я, что говорятъ шепотомъ; опять шаги по корридору и... все стало. Больше меня никто не беспокоилъ. Послѣ я узналъ, что сначала приходилъ дежурный офицеръ; ему сказали, что я боленъ. Вскорѣ хватился меня и Ростовцевъ; ему доложили, что я въ лазаретъ; тогда онъ послалъ ротнаго узнать, въ чемъ дѣло. Ротному Ермилицу отапортовалъ, что я серьезно заболѣлъ и что Андрей Егоровичъ не привазаалъ меня боя безпокоить; и вотъ, увидавъ меня въ постели и спущенную штору, ротный убѣдился въ моей серьезной болѣзни и отправился докладывать. Услыхавъ объ этомъ, Ростовцевъ предложилъ гнѣвъ на милость и даже не согласился на предложенную переэкзаменовку.

— „Нѣтъ, нѣтъ; нельзя, онъ не виноватъ, не виноватъ“. [Ишли только сбавить мнѣ годовой баллъ на три балла. И такъ я былъ спасенъ, а могло все дѣло кончиться очень дурно; ни мое начальство, ни учитель не спасли меня, а спасъ меня докторъ Андрей Егоровичъ.

Помню я еще учителя географіи Александра Ивановича Самойловича.—Замѣчательно строгій былъ человѣкъ: его мы боялись, какъ огня; онъ по фizioноміи ученика могъ видѣть не только—знаетъ ли онъ урокъ, но даже уиѣлъ угадывать, чего именно онъ не знаетъ. Вызоветъ онъ, бывало, къ доскѣ и пристально смотреть.

— „А ну-ка, чего ты не знаешь? Ну, начерти мнѣ карту Смоленской губерніи“.—Не думайте, что можно было начертить пирютъ; нѣтъ, нужно было сдѣлать точныя границы съ другими губерніями, пронести всѣ рѣки, постанитъ нѣрно губернсвій городъ и уѣзды, которые чѣмъ-либо замѣчательны.

— „Хорошо“,—скажетъ онъ. „А ну-ка, приклей теперь Московскую“.

„Это „приклей“ не значило дѣйствительно рядомъ приклеить; а нужно было сдѣлать очерченіе смежныхъ губерній со Смоленскою и потомъ уже дойти до Московской. Высвій баллъ у него былъ 10. За баллъ 5 по географіи не наказывали; и я смѣло могу сказать, что пмѣя у А. Ив. Самойловича баллъ 8, я зналъ географію не хуже, чѣмъ теперь знаютъ съ отхѣткой 11—12.

Старикъ обладалъ замѣчательною памятью. Мнѣ пришлось его являть въ концѣ восьмидесятихъ годовъ. Встрѣясь съ его сыномъ, теперь тоже уже покойнымъ полковникомъ Иваномъ Александровичемъ (онъ былъ инженеръ полковникъ, начальникъ Спб. военно-фельдшерской школы; скончался онъ лѣтъ шесть тому назадъ, похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ; на могилѣ его находится прекрасный, черный, мраморный памятникъ, сооруженный его сослуживцами), я узналъ, что старикъ мой учитель еще живъ. Я прашель навѣстить его. Со мной былъ сынъ, мальчикъ лѣтъ тринадцати. Старичокъ (ему было уже лѣтъ восемьдесятъ, а можетъ быть и побольше) былъ радъ видѣть своего ученика, тоже уже сѣдого старика; онъ вспоминалъ корпусъ, старину; узналъ откуда я прѣхалъ и, услышавъ, что—изъ „Симбирска“, онъ оживился и быстро спросилъ, обращаюсь къ моему сыну:

— „А чѣмъ замѣчательнъ вашъ Симбирскъ?“

Сынъ перечислилъ все, чѣмъ, по его соображеніямъ, могъ бы быть замѣчательнъ Симбирскъ; но старикъ говорилъ „лѣтъ и нѣтъ“; наконецъ, самъ же сказалъ: „Какъ же ты не обратилъ вниманіе, голубчикъ, на то, что въ Симбирскѣ двѣ рѣки, Волга и Свияга, вдутъ совершенно параллельно одна другой, но текутъ совершенно въ разныхъ направленіяхъ; Волга течетъ на югъ, а Свияга на сѣверъ; вѣдь это замѣчательно; нѣтъ раздѣляетъ только гора, на которой расположенъ городъ“. Самъ Самойловичъ никогда не бывалъ въ Симбирскѣ. Такъ великъ былъ запасъ его знаній и такъ велика была его память, даже въ старости!

Помню еще добродушнаго старичка Ивана Ивановича Вернера, учителя нѣмецкаго языка; его обыкновенно назначали въ числѣ преподавателей на перевъзаменникъ. Даже этого добродушнѣйшаго человѣка я ухитрился разсердить своими шалостями. Я держалъ перевъзаменовку по нѣмецкому языку.

— „Ну, что же ты знаешь?“—спросилъ меня Иванъ Ивановичъ.

„Ничего, кромѣ „Das ist eine kleine puppe“.

— „Ахъ, какой же ты шалуитъ“, сказалъ Иванъ Ивановичъ сердито, но однако, сейчасъ же опять добродушно задавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые я едва отвѣтилъ и поставилъ переводный баллъ.— Дѣло въ томъ, что въ нѣмецкихъ азбукахъ на первой страницѣ были нарисованы съ подобными надписями размазанная кукла и какой-то солдатъ въ красной курткѣ и синихъ ретузахъ; старика дразнили этимъ.

Былъ еще учитель нѣмецъ Ферей и два француза, но у нихъ вышла какая-то исторія. Инспекторъ въ то время былъ Куторга. И вотъ въ честь ихъ былъ сложенъ маршъ:

Ферей, Пома, Лазэвъ,
Ферей, Пома, Лазэвъ!
На васъ давно ужъ. Кутурга
Въ отставку подалъ,
Въ отставку подалъ.

Этотъ маршъ напѣвался и напгрывался у насъ.

Припоминается всегда серьезное, но доброе лицо вышеша снхщенника, Ивана Ивановича Протопопова, магистра богословія. Его мы боялись не такъ, какъ Сакошловича; вѣтъ, мы любили Ивана Ивановича; онъ былъ нашъ законоучитель; потѣшно онъ оставался на васъ. — „А ты не гугни, ни гугни; кто тамъ гугнитъ?“ — заворчалъ, бывало Иванъ Ивановичъ, когда слышитъ разговоръ или подказъ.

Былъ у васъ учитель вышеша математика, вѣкто Топылевъ; онъ былъ у насъ не долго. Очень онъ надобѣдалъ инспектору своимъ жалобамъ на кадетовъ, часто и по основательнымъ. Топылевъ — человекъ еще молодой, но страшно раздражительный, придирчивый; онъ терпѣть не могъ, когда его о чемъ-нибудь переспрашивали, всегда разсердится и на слѣдующій урокъ непремѣнно спроситъ того ученика, который спрашивалъ. Вотъ тутъ-то обыкновенно и выходили сценъ, послѣ которыхъ Топылевъ бѣжалъ жаловаться. Такъ было и со мною. — Идетъ урокъ. Топылевъ объясняетъ намъ формулу параболы. Я ничего не понимаю. Кончается объясненіе. Я встаю и спрашиваю: „Почему же это формула параболы?“

— „А коли говорить намъ, что это формула параболы, такъ значитъ это формула параболы“, закричалъ на меня Топылевъ, топнувъ ногой и швырнувъ мѣлъ.

— „Слушаю-съ“, почтительно отвѣтилъ я и сѣлъ.

Классъ кончался. Товарищи стали упрекать меня: — Охота было тебѣ переспрашивать; идѣ въ слѣдующій урокъ непремѣнно спроситъ и поставитъ плохой баллъ. — Такъ и вышло. Слѣдующій урокъ былъ на другой день.

— Р. Мощериковъ-съ! — закричалъ Топылевъ, только вошедши въ классъ.

Выхожу.

— Начертите мнѣ формулу параболы!

Беру мѣлъ, черчу пироги, ставлю три буквы: а, b, c; двѣ -- по зрѣявъ, одну — въ серединѣ.

— Что это такое? — спрашиваетъ Топылевъ.

— Формула параболы. — отвѣчаю я почтительно.

— Какая же это формула параболы, — переспрашиваетъ учитель.

— А коли говорить намъ, что это формула параболы, такъ зна-

чить — это формула параболы, — закричалъ я на него, что было силъ, топнулъ ногой, бросилъ мѣлъ и пошелъ на мѣсто. Однимъ словомъ, я точно скопировалъ его самого накануне.

Топылевъ побагровѣлъ и, какъ ураганъ, полетѣлъ къ инспектору. Мы притихли. Немного погодя, идетъ Топылевъ и съ нимъ съ кислотою хинной Яковъ Ѳеодоровичъ Ортенбергъ.

— Ну, что, боберъ, ты опять нашалплъ?

— Никакъ нѣтъ, Яковъ Ѳеодоровичъ, вотъ цѣлый классъ свидѣтель, что вчера я не подалъ объясненія г. Топылева и просилъ объяснить мнѣ, и онъ объяснилъ мнѣ именно такъ, какъ я сегодня и повторилъ.

— Ну-да, и сегодня ты привелъ г. Топылеву его доказательство? Ну, на кого же вы жалуетесь, г. Топылевъ? — сказалъ Ортенбергъ и пошелъ изъ класса. Топылевъ послѣ этого случая былъ у насъ совсѣмъ недолго.

Бывали у насъ хороши учителя, но еще лучше бывали и отиѣты. Помню, мы были уже въ старшихъ классахъ. Ученикъ не умѣетъ отвѣтить на предложенный вопросъ. Тогда учитель говоритъ: „Проведите прямую линію“. Ученикъ проводить. — Поставьте точку, говоритъ учитель. Ученикъ ставить.

— Опустите перпендикуляръ!

Опускаетъ.

— Еще! — И еще опускаетъ.

— Еще! — И еще опускаетъ.

— И такъ, по вашему, сколько же перпендикуляровъ можно опустить на прямую изъ одной точки? — спрашиваетъ учитель.

— Безчисленное множество, — отиѣчаетъ ученикъ.

Кругомъ раздается смѣхъ.

— Чортъ возьми! еще практическую задачь, — говорилъ ученикъ, поплеывая на пальцы, запачканные мѣломъ, идя на мѣсто.

Тутъ уже не выдерживаютъ и окончательно раздражаются хохотомъ. Смѣется и учитель. И такихъ курьезовъ было не мало.

V.

Отношенія къ намъ Великаго Князя Михаила Павловича. — Пріѣзды его къ намъ и наше отношеніе къ его пріѣздамъ. — Великая Княгиня Александра Михайловна. — Исторія съ кашей. — Случай по поводу сумрачнаго вида кадетовъ, офицеръ Кадацкій. — Назначеніе кадетовъ 2 корпуса въ праздничные дни для игръ съ великими князьями. — Случай моей трусливости и находчивости.

Любили мы, когда пріѣзжалъ къ намъ великій князь Михаилъ Павловичъ; а особенно любили, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ съ вели-

кими княжнами. Нашей общей любимцею была великая княжна Александра Михайловна. Случалось такъ: прїѣдетъ великій князь, войдетъ въ корпусъ, а княжны останутся дожидаться изъ экипажѣ; мы, проѣзжая объ этомъ, мало-по-малу отстаемъ отъ князя и ѡбѣдимъ въ экипажѣ; княжны милостиво говорятъ съ нами, спрашиваютъ васъ про ваши новости, особенно великая княжна Александра Михайловна. Она искренно интересовалась нашей жизнью. Мы всегда были съ нею открытвенны. Не разъ приходилось черезъ нее выяснять настоящее положеніе дѣлъ великому князю, не разъ мы выпрашивали чего-нибудь черезъ нее у великаго князя. Недолго жила великая княжна. Но и послѣ своей смерти Александра Михайловна осталась вашей помощницею. Въ тяжкія минуты мы просили великаго князя во имя покойной княжны, и не одна просьба не оставалась не исполненной. Сильно былъ огорченъ великій князь смертію Александры Михайловны, онъ со слезами рассказывалъ намъ объ ея болѣзни.—Да, улетѣлъ нашъ ангелъ,—закончилъ великій князь свой рассказъ.

Насъ хорошо кормили; не было у насъ изысканныхъ блюдъ; столъ былъ простой, но сытный; давалось всего въдоволь; гречневая каша была необходимая, любимымъ блюдомъ, подавалась она два раза въ недѣлю; были и еще очень любимыя блюда, но никогда нѣтъ изъ кадетовъ не думалъ держать пари въ кашу, никогда ни одинъ офицеръ не рѣшился наказать кадета, оставляя безъ каши. Иногда только, и то раза-два-три, не больше, за мою мою корпусную жизнь эконому пришлось почему то отнять кашу; тогда онъ предупреждалъ объ этомъ дежурныхъ кадетовъ, и тѣ, выслушавъ причину, соглашались на отнятіе каши и то съ условіемъ, чтобы каша, любимая каша, была замѣнена тоже любимымъ кушаньемъ,—картофелемъ въ мундирѣ или пирогами.

Помню, разъ вышла непріятная исторія. Поступилъ новый эконокъ, Иванъ Кузьмичъ Шенелевъ, маленькій, толстенькій. Каши почему-то не было, не было подано намъ и никакого другого любимаго кушанья. Обѣдъ кончается. Кадеты не встаютъ. Начинаются ерики: „Каши, кашки, эконома, кашки“. Эконокъ всегда присутствовалъ на обѣдѣ, но на этотъ разъ куда то скрылся. Ерики не унимаются. „Эконома, кашки, Кузьмича на сцену!“ И только что появился въ дверяхъ эконокъ, какъ къ нему полетѣли тарелки, вилки, корки. Эконокъ убѣжалъ. Случай, изъ ряду выходящій.

Директоръ долженъ былъ доложить великому князю Михаилу Павловичу.
— Я самъ прїѣду,—отвѣтилъ великій князь.

Дѣйствительно, въ тотъ же день часовъ въ двѣнадцать онъ прїѣхалъ, вызвалъ дежурныхъ въ тотъ день кадетовъ и эконома, выслушалъ, какъ было дѣло.

— Чтобы этого впередъ не было, — сердито обратился князь къ эконому: — у кадетовъ должна быть всегда каша. А вами, кадеты, я не доволенъ, — сказалъ, нахмурясь, великій князь нашъ, повернулся и пошелъ.

Директоръ пошелъ его сопровождать. Мы не смѣли тронуться съ мѣста: сердитый голосъ и нахмуренное лицо великаго князя, слово „кадеты“ вмѣсто обычнаго „дѣти“, которое мы такъ любили слышать отъ великаго князя, а также то, что мы не могли сопровождать его, не могли даже попросить прощенья, — сильно огорчило насъ всѣхъ и было наказаніемъ болѣе славнымъ, чѣмъ наказаніе, которое примѣнило бы наше начальство. Съ тѣхъ поръ никакихъ исторій съ кашей не бывало.

Разскажу одинъ очень интересный случай, происшедшій послѣдствіею особой находчивости офицера Кадацкаго.

Былъ у насъ великій князь Михаилъ Павловичъ и остался недоволенъ сумрачнымъ видомъ кадетовъ.

— Не люблю я дутыхъ фizioномій, — сказалъ онъ директору.

Офицеръ Кадацкій началъ убѣждать васъ, всегда съ улыбкой встрѣчать начальство. На наше возраженіе, что „мы не умѣемъ улыбаться, когда не хочется“, Кадацкій вскричалъ:

— А, не умѣете! Смотрите же: я васъ научу. — Поднимите правую руку! и самъ поднимается. — Сдѣлайте такъ, — при этомъ онъ прижимаетъ три пальца къ ладони, а указательный и средний раздвигаетъ и нѣсколько сгибаетъ. — Теперь такъ, смотрите: прикладываетъ раздвинутые пальцы, къ угламъ рта и нажимаетъ. Получилась безобразная, смѣшная гримаса, но только не улыбка.

Посмѣялись мы находчивости Кадацкаго и рѣшили одурачить его, воспользовавшись его урокомъ, во держали это нѣ секретъ.

Черезъ нѣсколько времени прѣзжаетъ опять великій князь Михаилъ Павловичъ, входитъ въ нашу роту и останавливается. Кругомъ стоятъ кадеты, всѣ во фронтъ и у всѣхъ на лицѣ улыбка Кадацкаго.

— Что такое? — спрашиваетъ удивленно у директора.

— Не могу знать ваше высочество! — отвѣчаетъ сконфуженный и растерявшійся директоръ.

Кадеты продолжаютъ стоять съ той же гримасой.

— Что ты дѣлаешь? — обращается великій князь къ одному изъ кадетовъ.

— Улыбаюсь, ваше высочество! — отвѣчаетъ тотъ.

Какъ? Что такое? — начинаетъ уже сердиться Михаилъ Павловичъ.

Великій князь разсмѣялся.

— Намъ такъ училъ офицеръ Кадацкій, — отвѣчаетъ смиренно кадетъ и рассказываетъ сцену съ Кадацкимъ.

По счастью, Кадацкаго тутъ не было. Послѣ ему досталась отъ директора здоровая головоломка.

Въ бытность мою въ корпусѣ, каждый праздникъ назначались кадеты, по нѣскольку человѣкъ, но дворецъ для игръ съ великими князьями. Великіе князья Михаилъ Николаевичъ, Константинъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ. были намъ ровесники. Въ воскресенье послѣ завтрака вѣсколько человѣкъ, по очереди, отправлялись въ каретѣ во дворецъ, гдѣ они и оставались до обѣда, а иногда и дозѣ. Обыкновенно мы любили эти поѣздки: кромѣ того, что увидиши великихъ князей, а иногда и самого Государя, проведешь весело время, да еще сколько получиши лакомствъ (а до лакомствъ мы ищѣ были большіе охотники). Но ноть однажды случилось горе.

Любимой игрой были война, — брать крѣпости приетупомъ. Всегда мы были почтительны и не забывали, что предъ нами, хотя и противникъ въ игрѣ, но нашъ великій князь. Въ одну изъ подобныхъ игръ великій князь Константинъ Николаевичъ защищалъ крѣпость (фортопiano), а мой товарищъ по классу, грузинъ, командовалъ атакой. Великій князь храбро защищалъ крѣпость: забравшись на фортопiano, командовалъ своимъ отрядомъ. Нашъ грузинъ отчаянно нападалъ. Наконецъ, одолѣлъ, напалъ стремительно на великаго князя и сбросилъ его съ фортопiano. Великій князь сильно ушибся. Воспитатель великаго князя остался этимъ очень недоволенъ и рассказывалъ офицеру, сопровождавшему кадетовъ. Офицеръ обыкновенно дожидался въ дежурной комнатѣ. И, не смотря на просьбу князя, — „простить кадета, что въ игрѣ все простиительно“, нашему храброму грузину, по возвращеніи изъ корпусъ, сдѣлали приличное внушеніе.

Въ слѣдующій праздникъ послѣ этого событія, рано утромъ, еще до обѣда, дежурный офицеръ вызываетъ фамиліи кадетовъ, которые поѣдутъ во дворецъ, въ томъ числѣ и мою; но я рѣшилъ, что ни за что не поѣду и началъ строить планы, какъ бы это избѣжать поѣздки. Но какъ? отговорокъ никакихъ не принять. Остается только скрыться съ глазъ. Но какъ же это устроить? Спрятаться, но — куда? Конечно, будутъ искать и найдутъ. Наконецъ, придумалъ: убѣжалъ изъ классъ и легъ подъ каедрю. Каедры у насъ были высокія на двѣ ступени; въ особенности удобно, во все же такому маленькому, какъ я былъ, возможно было уложиться. Лежу, слышу — бѣгутъ по корридору, кричатъ меня. Кто-то заглянулъ и въ классъ, крикнулъ меня, а сталъ прислушиваться: скоро ли прогремѣтъ наша карета. Наконецъ, поѣхали. Я нылъ изъ подъ своей

засиды, посмотрѣвъ изъ окно на уѣзжающихъ, увидалъ, что вмѣсто меня взять слѣдующій на очереди и пошелъ къ офицеру вѣзаться. Дежурный офицеръ былъ человекъ хорошій, посмѣялся, что я самъ себя засаждать на цѣлый часъ въ карцеръ, побранивъ, тѣмъ дѣло и кончилось.

VI.

Производство въ офицеры. — Наши волненія и радости, мысли и чувства. — Торжество этого событія. — Мое назначеніе въ Тульскій егерскій полкъ.

Всѣ мы устали, чокры, продрогшіе, не смотри на то, что еще только 2-го августа, возвращаемся въ Ропшу; но на душѣ у всѣхъ и радость, и тревога.

Завтра послѣдній смотръ и мы — офицеры. Завѣтная мечта, желанная столько лѣтъ, наконецъ осуществится. Скоро и я буду предметомъ зависти, съ какою столько лѣтъ смотрѣлъ на офицеровъ.

И сегодня мы еще кадеты... но всѣ разговариваютъ съ нами, какъ будто иначе. Вотъ нашъ ротный комаандаръ предлагаетъ намъ вынуть горячаго сбитня... Уже пять часовъ вечера, мы еще не обѣдали... Но онъ не приказываетъ, а только предлагаетъ. Нѣкоторые отпраивлись. Но большинство безцѣльно ходятъ, но знаютъ, за что вѣзаться; всѣхъ смущаетъ дождь, который льетъ, какъ изъ ведра; всѣхъ волнуетъ, будетъ ли Государь дѣлать смотръ. Но какъ же? Развѣ отложить производство? или ужъ Государь подпишетъ бумаги безъ смотра?.. Часто посматриваемъ мы на окна дворца, который отъ насъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ...

Вотъ пробилъ зорю, пропѣли молитву; но никто и не думаетъ ложиться спать. Собрались кучками, говорятъ шепотомъ.

Вотъ вышелъ изъ дворца адъютантъ, направляется къ палаткѣ командира.

Мы — къ нему. — Ну, что? что извѣстно?

— Ничего не знаю, господа. Какъ — погода... Государь приказалъ разбудить его въ четыре часа утра.

И опять все стихло.

Дождь продолжаетъ лить по прежнему. Огни въ окнахъ дворца погашены. Только въ крайнемъ окнѣ — это спальня Государя — виденъ свѣтъ.

Нѣкоторые изъ насъ задремали. Но вдругъ — что это? Вспыхнулъ огонекъ во второмъ окнѣ и въ третьемъ, — это комната дежурнаго адъютанта. Видимъ: задвигалась тѣнь. Немного погодя, слышимъ кто-то

идеть; какая-то черная тѣнь направляется въ лагерь. И мы осторожно стали придвигаться и всматриваться.

Вдругъ слышатъ: — Поздравляю васъ, господа!

— Что, что такое? — послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Государь подписалъ производство. Въ одиннадцать часовъ ровно Государь позвонилъ меня, спросилъ: — что, дождь? Я доложилъ: дождь льетъ, ваше величество!

— Ну, Богъ съ ними! сказалъ Государь. — Дай перо! и подписалъ лежавшіе у него на столѣ развернутые списки вновь произведенныхъ офицеровъ; вотъ я несу въ команду; и завтра чуть-свѣтъ приказалъ выступать въ Петербургъ.

Такъ отпраповолялъ намъ адъютантъ.

— Подписалъ, подписалъ, — понеслось по лагерю.

— Тише, тише, господа! — остановилъ насъ адъютантъ. — Государь можетъ услышать.

Рѣзкіе голоса стихли. Только жужжанье, какъ пчелъ въ ульѣ, продолжалось до разсвѣта.

И такъ 2-го августа 1843 года, 19-ти лѣтъ отъ роду, волею Божіею и волею Императора Николая Павловича я сдѣлался прапорщикомъ и былъ назначенъ въ Тульскій егерскій полкъ.

Много въ жизни бывало горя, много и свѣтлыхъ минутъ. Но такой чистой, почти дѣтскою радости я не испытывалъ. Тутъ была и радость и гордость, что и я теперь офицеръ, не статскій, не „стряпч“, какъ мы звали всѣхъ статскихъ, а офицеръ. Было и сознаніе долга, возложеннаго на насъ, и желаніе показывать поскорѣе, что и я буду не хуже, чѣмъ всѣ остальные офицеры. Ко всему этому присоединялось горделивое сознаніе, что я — офицеръ, выпущенный изъ второго кадетскаго корпуса, а, слѣдовательно, я — товарищъ, одноклассникъ Михаилу Иларионовичу Кутузову; его портретъ всегда былъ предъ нашими глазами: онъ былъ кадетъ второго корпуса; этихъ мы гордились предъ кадетами другихъ корпусовъ, я и теперь горжусь этимъ.

Какъ искренно было желаніе сдѣлаться офицеромъ, видно изъ того, что за годъ до выпуска намъ (мнѣ и еще одному товарищу), не отличавшимся здоровьемъ, было предложено выйти въ чиновники по военному вѣдомству, намъ хотѣли дать и соответствующіе чины, предлагали даже и хорошія мѣста, но мы отказались. Я со слезами упрашивалъ матушку не настаивать на выходѣ, когда матушки, опасаясь за мое здоровье и не желая разлучаться со мною, начала соглашаться мнѣ выйти въ чиновники. Я тогда съ искреннимъ убѣжденіемъ говорилъ, что я буду на вѣкъ несчастнымъ, если не буду произведенъ въ офицеры. И матушка уступила.

И теперь погь, будучи уже произведеннымъ къ офицеры, я во чуждъ земли подъ собою, я готовъ былъ расцѣловать каждаго встрѣчнаго, что я и дѣлалъ при первой возможности (я всегда любилъ цѣловаться, за что я прозванъ былъ „цѣлональникомъ“).

Чуть забрезжилъ свѣтъ, мы тихо собрались а безъ барабаннаго боя, чтобы не беспокоить Государя Императора, выступили въ Ропши. Дождь продолжалъ лить. Часамъ къ шести онъ пересталъ. Небо стало понемногу проясняться. Подулъ вѣтерокъ. Часамъ къ десяти утра, когда совсѣмъ прояснилось, въ Петербургъ мы вступили съ музыкой, съ развернутыми знаменами.

На крыльцѣ корпуса насъ встрѣтилъ директоръ со словами: — „Поздравляю васъ, господа, вновь произведенные офицеры!“

Затѣмъ онъ предложилъ пройти въ манежъ переодѣться, умыться съ дороги и пожаловать потомъ въ столовую.

Въ манежѣ для насъ была уже приготовлены для каждаго кровать съ разложенными на ней принадлежностями; тутъ были: и бѣлье, и носки, и бѣлая перчатки, офицерскіе куртки и китель; мундиры еще не были готовы. Все это было сдѣлано на средства корпуса; въ другихъ корпусахъ обмундировка дѣлалась на свой счетъ, во второмъ же корпусѣ были суммы, положенныя основательницей корпуса Государыней Императрицей Екатериной II, проценты съ которыхъ должны были идти на обмундировку, всѣмъ по ровну, кадетовъ при производствѣ ихъ въ офицеры.

Какъ прошелъ этотъ день, что мы дѣлали, — право сказать трудно во только теперь быю, во нѣсколько дней спустя. Это былъ день поздравленій, цѣлованій, хлопотъ, бѣготни, примѣрекъ.

На другой, или на третій день мы задумали справить свой выпускъ. Мы справили его не такъ, какъ справляютъ его выѣзъ, въ Арсеніи или Диваніи, причеиъ почти всегда бываетъ учиненъ какой-нибудь скандалъ. Мы справляли скромно. Въ Петровскомъ паркѣ, у второго мостика, гдѣ и теперь стоятъ плоть и янки для катанья, такъ вотъ тутъ-то, на берегу, въ кустикахъ.

Правда, не многіе изъ насъ вернулись въ манежъ въ надлежащемъ видѣ. Большинство были приведены или даже принесены солдатаками, которые были припавлены къ намъ для услугъ: но объ этомъ только я знала мы да они; никакого шума, никакого соблазна. На другое утро, хотя и съ головою болью, иеъ явились къ директору, кажется для принятія присяги; затѣмъ были получены приказы о назначеніи въ полки. Начали по немногу развѣзжаться.

Приказы о производствѣ мы получили, уже будучи на мѣстахъ службы.

И я сейчас не только храню, но и знаю наизусть изъ слова въ слово приказъ о моемъ пропавшемъ въ офицеры. Приказъ этотъ читается такъ:

„Возією милостію Мы, Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, к прочая“.

„Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Мы 2 Кадетскаго Корпуса Кадета Павла Мещерякова, въ Нашемъ Прапорщикѣ тысящи восемь сотъ сорокъ четыре года Августа второго дня Всемилостивѣйше пожаловала и учредили; яко же мы симъ жалуетъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ Нашимъ подданнымъ, онаго Павла Мещерякова, за Нашего Прапорщика надлежащимъ образомъ признавать и почитать: и Мы надѣемся, что онъ, въ семъ ему отъ Насъ Всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ, такъ кѣрно и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму Офицеру надлежитъ. Во свидѣтельство чего, Мы сіе инспекторскому Департаменту Военнаго Министерства подписать и Государственною Нашею печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Санктпетербургѣ, лѣта 1844 мая 12 дня“. Далѣе слѣдуютъ подписи.

Вверху на этомъ приказѣ изображенъ двухглавый орелъ на облакахъ, съ короной надъ главами, св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ въ срединѣ, съ змѣей и лавровымъ вѣнкомъ въ лапкахъ. Внизу приказа—подписи, военныя артекулы съ иѣнками подъ ними и гражданая сургучная печать. Въ правомъ углу приказа наискось мелкимъ шрифтомъ: „Въ Инспекторскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства записанъ подъ № 2261-мъ“; въ лѣвомъ углу: „При запечатаніи въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ подъ № 5158-мъ“. Приказъ отпечатанъ на пергаментѣ изъ семь съ половиной вершковъ длины и пяти вершковъ ширины.

Я говорилъ равнѣе, что мой черныи воротникъ надѣлалъ много хлопотъ и тревогъ. Дѣло было такъ. При назначеніи насъ въ полки, прежде, чѣмъ отправить списки, насъ спрашивали, куда мы желаемъ поступить, и если было возможно, то удовлетворяли желаніе. Мнѣ хотѣлось попасть въ Бородинскій полкъ, но такъ наканунѣ уже не было. Тогда инспекторъ Ортенбергъ предложилъ мнѣ взять ваканцію въ Тобольскомъ полку пѣхотномъ. Я на это сказалъ, что „но желаю носить на воротникѣ красную говядину“. Ортенбергъ сильно разсердился на это и заявилъ, что я буду назначенъ именно туда. Такъ и сдѣлалъ представленіе. Но мнѣ, при помощи родныхъ и знакомыхъ изъ Инспекторскаго департаментъ, удалось попасть въ Тульскій Егерскій полкъ. Ортенбергъ былъ сильно удивленъ и обижень, когда увидать указъ о назначеніи меня не въ Тобольскій, какъ ему хотѣлось, а въ Тульскій полкъ.

И такъ, красивый воротникъ сдѣлалъ то, что, проживъ столько лѣтъ очень дружно, мы сухо простились съ Яковомъ Федоровичемъ, и я повѣхалъ на мѣсто своего назначенія.

VII.

Воспоминанія изъ военной жизни.—Главная квартира нашего полка. Наши переходы по другимъ городамъ. — Таруса. Ясная Поляна. Интересный помѣщикъ и вечера у него.—Общая характеристика моихъ товарищей по службѣ; несчастная судьба одного изъ нихъ и интересный случай съ другимъ. — Причины, заставившія меня выйти въ отставку.

Главная квартира нашего полка была въ Орлѣ, куда я и явился. Полкъ стоялъ на просторныхъ квартирахъ. Батальонъ и батальонный командиръ стоялъ въ Мценскѣ.

Въ этомъ году, когда я поступилъ въ Тульскій полкъ, въ него назначено было новыхъ четыре офицера, — двое изъ второго корпуса. Я какъ старшій изъ четверыхъ по выпуску, былъ назначенъ въ первую карабинерную роту. Я же былъ и самый низкій ростомъ изъ четверыхъ, что вызывало шутки со стороны батальоннаго командира и офицеровъ. Вскорѣ я былъ сдѣланъ адъютантомъ, причежъ мнѣ приходилось болѣе выполнять порученія не командира а командирши.

Полкъ нашъ переходилъ по Орловской губерніи и по другимъ соседнимъ, стоялъ и въ Тульской и въ Москвѣ. На пути попадались намъ и хорошіе города и плохіе.

По своему красному мѣстоположенію, помнится мнѣ городъ Таруса. Онъ стоитъ на спускѣ горы, при впаденіи рѣки Тарусы въ Оку; городокъ очень маленькій, но чистенькій.

Помню также Ясную Поляну, имѣніе графа Толстого. Не знаю, благодаря какимъ особенностямъ почвы, но только тамъ бывала такая непроходимая грязь, что намъ по нѣскольку часовъ приходилось вытаскивать изъ грязи свои обозы, за что и прозвали мы это имѣніе не „Ясною“ Полянью, а „Грязною“ Полянью. Но за то здѣсь же насъ ждалъ всегда прекрасный, вкусный обѣдъ, или уже, по крайней мѣрѣ, завтракъ. Пока солдатики наши возятся съ фурами, мы успѣвали закушать, такъ что, не смотря на грязь, объ этомъ имѣніи графа осталось воспоминаніе, какъ о радужномъ имѣніи, притомъ веселомъ и красивомъ.

Припоминается интересный визитъ одного помѣщика.—Не помню, въ какой городъ пришли мы. Городишко маленькій, грязный; деньщики чистятъ нашу аммуницію, а мы собрались въ одну комнату, зѣваемъ; кто покуриваетъ; и общими силами рѣшаемъ, чтобы намъ предпринять,

чтобы не умереть отъ скуки. Знакомыхъ ни у кого въ городѣ нѣтъ; стоянка же предполагается большая.

Жаръ. Окна открыты. Слышимъ: конскій топотъ. Вѣдетъ кто-то верхомахъ, подѣзжаетъ подъ окно, останавливается лошадь и прямо съ сѣдла къ намъ въ окно, въ комнату, расшаркивается и рекомендуетъ: „Честнымъ представиться, помѣщикъ такой-то, милости прошу ко мнѣ, сейчасъ будутъ присланы лошади“. Расшаркался, пожалъ намъ невидъ руки и опять черезъ окно на лошадь и усакалъ.

Мы посмѣялись, что за чудакъ такой. Однако начали одѣваться. И дѣйствительно, во усеѣли хорошенько опранныя, какъ уже были поданы дѣя тройки; мы усеѣлись и покатили.

Насъ встрѣтили чудаки-помѣщики со слонами: „Ну, сначала, господя, пообедаемъ, а потомъ будутъ представленія“.

Между тѣмъ, во время обѣда, стѣхались окрестныя помѣщики съ семьями. И мы и пили, и ѣли, и плясали. И такъ бывало почти каждый день, пока мы стояли въ этомъ городѣ. Многіе изъ насъ оставили свои сердечки на время въ окрестностяхъ этого веселаго городка.

Въ одинъ изъ такихъ переездовъ я сильно простудился и заболѣлъ. Пользанъ моя дѣла поводъ матушкѣ просить меня выйти изъ военной службы, но я все еще крѣпился.

Мои товарищи - сослуживцы не были люди милые; были, конечно, и чудаки, и кутяны; но жила мы дружно и весело.

Только объ одномъ изъ бывшихъ сослуживцевъ осталось тяжелое воспоминаніе.

Былъ у насъ юнкеръ Павелъ П., недоросль изъ дворянъ, красивый юноша, добродушный в глуповатый, вѣкомъ ничего дурного никогда не сдѣлалъ, да и едва ли могъ бы сдѣлать; жилъ себя спокойно и покладисто, былъ доволенъ своею участью, хотя иногда к вздыхалъ о житей-бытѣ въ помѣсть и о мирныхъ домашнихъ занятіяхъ. Не такая была его мамаша, она во что бы то ни стало ждала, чтобы ея Пашка (какъ она звала сына) былъ офицеръ. Надѣдала она всѣмъ, кому только могла, результатовъ чего было изпащеніе экзамена ея сыну и производство въ офицеры. Наконецъ, маленька добилась своего: Паша офицеръ. Но тутъ-то и случилась бѣда.

Въ то время въ пересыльных тюрьмахъ было много политическихъ преступниковъ по польскому мятежу. Были они и у насъ въ городѣ. П., какъ и остальные офицеры, отбывалъ караулы, бывалъ и въ тюрьмѣ. Почували поляки, съ кѣмъ дѣло имѣютъ; сначала были только жастяныя слова, потомъ сочиняли въ честь его стихи и оды, гдѣ воспѣвали его красоту и великодушіе, бранили другихъ офицеровъ и обвиня-

няла ихъ въ неразвитости и слупости и упростила, наконецъ, П. самого снести на почту нѣсколько писемъ. И такъ повторялось по нѣскольку разъ; письма были посланы въ разные города, въ томъ числѣ и въ Варшану. Когда узнали мы объ этомъ, было уже поздно: лица, которымъ были адресованы письма находились надъ надзоромъ, и нѣкоторыя письма попались. Довезли; назначила слѣдствіе. П. арестовали, но потомъ отпустили на поруки къ матери. Начался судъ. Улика на лицо. Да П. и не запирался. Онъ говорилъ только, что просилъ арестантовъ не писать ничего важнаго и она обещали ему. Какъ ни милостиво судили... во все же, вѣдь это офицеръ—государственный преступникъ. П. былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и арестантскимъ ютамъ. Когда П. былъ прочтенъ приговоръ, онъ обернулся къ командиру и съ явнымъ спросилъ: „Такъ, какъ же? къ маменькѣ-то, значитъ, хвля больше не пустите?“ У присутствовавшихъ навернулись на глазахъ слезы: и это—преступникъ! Бѣдный П! жилъ бы ты, да жилъ изъ своимъ похвѣсть, припѣляючи, если бы не желаніе маменьки видѣть, во что бы то ни стало, своего сына въ мундирѣ. Да, такъ погнѣбають иногда люди только потому, что попадаютъ не на свое мѣсто! Къ счастью П., онъ вскорѣ попалъ подъ высочайшій манифестъ, по случаю коронаціи Императора Александра Николаевича, и наказаніе было значительно смягчено.

Помяну еще, какъ много надѣлала шуму злая продѣлка писаря.— Въ лѣсу былъ найденъ удавившійся солдатикъ. Однѣмъ изъ офицеровъ былъ назначенъ на слѣдствіе. Офицеръ этотъ былъ порядочный вутпла, не любившій, когда его отрывали отъ его любимого занятія—картъ и бывшій всегда разсѣяннымъ и не извуратнымъ. Писарь былъ очень сердитъ на этого офицера и рѣшилъ отомстить ему. Офицеръ по читая подписалъ докладъ по слѣдствію объ удавившемся и послалъ въ главную квартиру. Вдругъ оттуда идетъ строжайшій выговоръ всѣмъ, кому слѣдуетъ. За что? Оказалось, что писарь написалъ такую резолюцію: „Мертвое тѣло подшить подъ дѣло, а рапортъ сей землѣ продать“. А офицеръ не выдалъ и подписалъ.

Въ послѣдніе годы у меня уморъ отецъ, а затѣмъ и братъ. Матушка сильно злосковала. Я остался у нея однѣмъ изъ всей когда-то многочисленной семьи, да и я большую часть времени проводилъ вдали отъ нея и тоже часто прихварывалъ. Матушка боялась потерять и меня; къ тому же начали ходить слухи о севастопольской кампаніи; это уже окончательно смутило матушку, она со слезами убѣждала меня не оставлять ее и я уступилъ. Высочайшимъ приказомъ 1848 года, января 10, по прошенію, я уволенъ, за болѣзнию, отъ военной службы.

VIII.

Возвращеніе въ Петербургъ. — Служба въ Морскомъ Департаментѣ. — Переводъ на службу въ Телеграфное вѣдомство. — Жизнь въ Свинскѣ и др. городахъ. Перомонахъ Мартыновичъ. — Жизнь въ Сибири; — въ Красноярскѣ; П. Н. Замятинъ и его супруга, Ст. Сем. Муратовскій, епископъ Никодимъ. — Отправленіе жены въ Иркутскъ, ставшіи Зимняяская. — Мой переездъ въ Иркутскъ. — Архимадритъ Мартыновичъ. Виды Иркутска и нѣхъ исторія. Мой отъѣздъ изъ Сибири.

И возвратился (1848 г.) изъ Петербургъ и въ томъ же году былъ опредѣленъ въ Артиллерійскій департаментъ Морского Министерства.

О службѣ здѣсь мало что могу сказать. Служилъ, какъ и всѣ: писалъ бумаги, переписывалъ, читалъ доклады, ходилъ знакомства и съ младшими, и съ старшими, игралъ по маленькой въ ступовку, или въ клубъ изъ домино. И вотъ въ одинъ изъ такихъ вечеровъ услышалъ очень интересный анекдотъ.

Генералъ Павловъ извѣстный морской строптель, изъ бытности своею еще молодымъ офицеромъ, любилъ покурить, средства же были ограничены. Въ одну изъ кратическихъ минутъ онъ написалъ докладную записку о выдачѣ ему третняго жалованья и отправился въ министру подать ее лично.

— Морскимъ министромъ въ то время былъ Меньшиковъ. Министръ праялъ бумагу, развернулъ, сначала сдѣлалъ удивленное лицо и началъ читать, затѣмъ началъ смѣяться. Тутъ только повали Поповъ, что подаль не ту бумагу, которую слѣдвало. Сковфуженный, онъ началъ извиняться и просилъ возвратити ему назадъ злополучную бумагу.

— Оставьте ее мнѣ, — сказалъ Меньшиковъ. — По запискѣ мы впрочемъ бы не получили, а теперь я исполню вашу просьбу. Онъ тутъ же написалъ на бумагѣ свою резолюцію, позвалъ чиновника, приказалъ сдать бумагу въ канцелярію и проишти въ дѣлу.

Дѣло въ томъ, что Поповъ вногда писалъ стихи. Тяготаясь симижъ бедножельемъ, онъ написалъ стихи такого содержанія:

Ахъ! терается терпѣнье
Цѣлый вѣкъ безъ денегъ жить.
Жить безъ денегъ, — чертъ ли въ чинѣ.
Хоть и умпощей зовутъ?
А богать, — хоть братъ скотинѣ,
Ты плешь, его везутъ;
Съ камешка въ камень скачешь,
А онъ говитъ во всю прыть.
Отъ досады чуть не плачешь.

Чѣмъ же горю пособить?
 Ну-тка, братцы, къ своей койкѣ.
 Наклонясь, мы подойдемъ:
 Честь мы слѣзавъ востобкѣ,
 Тяпнемъ чарку, спать побѣдемъ.

Эти стихи Поповъ положилъ въ карманъ, а потомъ, по разсѣянности, и подаль ихъ Меньшикову.

Его же считали авторомъ и другихъ стиховъ, — на сколько это справедливо, не знаю. Въ мое время эти стихи были въ большой модѣ, нынѣ же ихъ никто не знаетъ. Стихи эти слѣдующіе:

Охъ, времечко! Скорешенько
 Летишь ты, хоть безъ крылъ.
 Ужъ двадцать лѣтъ ровнешенько,
 Какъ въ Питерѣ я былъ.
 Въ питейномъ департаментѣ
 Служеніе пылъ,
 На каменномъ фундаментѣ
 Домикомъ я владѣлъ.
 Съ особами отличными
 Въ знакомствѣ состоялъ,
 Поклонами приличными
 Начальству угождалъ.
 Какъ все перемѣнилось!
 Мнѣ Питеръ сталъ чужой:
 Все новое явилось,
 Чуть пахнетъ стариной.
 Секретъ мой обнародовать
 Явонъ црѣбнѣ я въ него,
 Хоть много праскродовать
 Пришлось мнѣ для того.
 Ода мнѣ утѣшительна,
 Что выдать коб-кому
 Секретъ такой спасительна,
 Приступимъ же къ нему:
 Грамматику, астетику
 Изъ мысли я прогналъ;
 Любизъ лишь ариметику,
 Отъ ней богатъ я сталъ.
 Сначала отъ дѣленія
 Немазо получилъ;
 Начальвонъ отдѣленія
 Дѣлать меня училъ.
 И капиталъ мой
 Толстѣлъ все и толстѣлъ
 Но мѣрѣ умноженія

Простелелъ п дѣлъ.
 Дало плодъ вычитаніе,
 И подчиненнымъ я
 Не брать далъ приказаніе,
 За вычетомъ себя.
 Сложивъ все, въ заключеніе,
 Сложивіе узналъ,
 И вышелъ отъ сложенія
 Изрядный капиталъ.

Въ 1855 году я перешелъ въ телеграфное извѣдѣнію, гдѣ и служилъ до 1877 года. И вотъ тутъ-то я прегерпѣлъ всевозможныя мнтарствя, ѣздя вдоль и поперекъ по матушкѣ Россіи. Былъ я въ Гатчинѣ, въ Свѣяжскѣ, въ Симферополѣ, въ Симбирскѣ, въ Красноярскѣ, въ Иркутскѣ, въ Сызрани, въ Тамбовѣ, гдѣ и кончилъ свою службу, потерявъ почти окончательно свое зрѣніе. Много видовъ видалъ и людей встрѣчалъ. Были между ними и хорошіе в дурные, в добрые и злые; и какъ будто бы нарочно для контраста съ молодыми годами, когда приходилось встрѣчать людей хорошихъ, теперь приходилось имѣть дѣло съ людьми дурными, корыстными, любящими питриги. Люди хорошіе были только, какъ исключенія. Вотъ объ этихъ-то исключеніяхъ я и разскажу, что знаю и что помню.

Въ бытность мою въ Свѣяжскѣ, часто посѣщая монастырь, я познакомился съ іеромонахомъ Мартиніаномъ, въ мірѣ Михаиломъ Семеновичемъ Муратовскимъ. Этотъ іеромонахъ отличался особенною ласковостію и обходительностію. Что особенно удивляло въ немъ всѣхъ, это — его постоянное добродушіе и кротость. Жизнь онъ велъ вполне достойную иноческаго званія.

Разскажу одинъ случай, слышанный отъ преосвященнаго Епифанія, бывшаго епископа Тобольскаго, жившаго тогда на покой въ Свѣяжскомъ монастырѣ.

Однажды, въ часы послѣобѣденныя, преосвященный Епифаній собрался вѣнѣстать іеромонаха Мартиніана. Приходить въ его келію; но нашедши келейника и не доложившись, преосвященный идетъ во внутреннее отдѣленіе кельи. Въ первой комнатѣ тоже никого нѣтъ: тихо. Преосвященный подумалъ, что, должно быть, Мартиніанъ легъ отдохнуть; заглянулъ во вторую половину кельи и видитъ: іеромонахъ Мартиніанъ въ одномъ нижнемъ бѣлѣ находится ищѣ передъ образомъ; даже въ такой необычный часъ онъ молился. Преосвященный былъ пораженъ, незамѣтно отошелъ назадъ и окликнулъ Мартиніана. Тотъ всталъ, изнявляясь, быстро одѣлся и подошелъ просить у Преосвященнаго благословенія.

— Итъ, братъ, не тебѣ у насъ, а намъ у тебя слѣдуетъ просить благословенія, — сказалъ преосвященный.

И слова его сбылись впоследствии.

Муратовскій окончилъ курсъ въ семинаріи. Не получивъ мѣста священника, но сильно желая поскорѣе имѣть благодать священства, онъ поступилъ въ Свияжскій первоклассный монастырь. Въ это время здѣсь ощущался особенный недостатокъ въ іеродіаконахъ и іеромонахахъ.

Настоятелемъ монастыря былъ тогда архимандритъ Нектарій, человекъ очень умный, докторъ богословія. Какъ настоятель первокласснаго монастыря, онъ пользовался особыми, присвоенными монастырю, преимуществами: при богослуженіи, въ извѣстное время, благословлялъ дикіями и трибріями, при немъ были свои іеродіаконы и пр.

Въ это же время, какъ я упоминалъ, жалъ на покой въ Свияжскъ епископъ Евлампій, пользовавшійся почетомъ по сану. Онъ и рукоположилъ Муратовскаго, сдѣлавшагося монахомъ Мартиніаномъ, сначала въ іеродіакона, а затѣмъ и въ іеромонаха. Въ 59-мъ году я уѣхалъ изъ Свияжска и съ Мартиніаномъ я встрѣтился уже много лѣтъ спустя.

Въ 1863 году я назначенъ былъ въ Красноярскъ. Путешествіе въ Сибирь не особенно пугало меня, со мною ѣхала моя молодая жена и мать, я ѣхалъ весело; въ тому же это была весна. Назначеніе я получилъ 7-го апрѣля. Приведя всѣ свои дѣла въ порядокъ и выждавъ пока вскроется Волга (я служилъ въ это время въ Сибирскѣ), я сначала на пароходѣ, а потомъ въ собственномъ, удобномъ, громадномъ тарантасѣ, безъ всякихъ особенныхъ приключеній добрался до Красноярска.

Первый годъ проведенный мною въ Сибирь, прошелъ совершенно незамѣтно. Дружно, весело жило тогда Красноярское общество. Губернаторомъ въ то время былъ Павелъ Николаевичъ Замятинъ. Онъ и его супруга были душою общества; оба они отличались замѣчательнымъ добродушіемъ и внимательностью ко всѣмъ, особенно Павелъ Николаевичъ. Память извѣняетъ мнѣ, я забылъ, какъ звали губернаторшу, но хорошо помню, что я ей обязанъ сохраненіемъ здоровья, а можетъ быть и жизнью моей жены и дочери.

Въ 1866 году я былъ переведенъ въ Иркутскъ. Дѣло было зимою, о Рождествѣ. Жена черезъ нѣсколько недѣль должна была сдѣлаться матерью. Старшей дочери было полтора года. Двинуться въ путь сейчасъ же я силъ не могъ, долженъ былъ ждать преемника. Какъ тутъ быть? Приходилось или отправить жену впередъ, а самому оставаться до привоженія всѣхъ дѣлъ въ порядокъ, или уже потомъ ѣхать одному, оставивъ жену въ Красноярскѣ, до полнаго выздоровленія. Но это выздоровленіе совпадетъ съ разлитіемъ рѣкъ: разольется Ангара и тогда долго

не попадешь въ Иркутскъ. Но какъ же отправить женщинъ одѣхъ, съ ребенкомъ на рукахъ я въ трескучіе морозы? Было о чемъ задуматься... Но Господь молитвами чудотворца Николая помогъ мнѣ. Прихожу я ко всемогущей наканувъ Николаю дня, помолвился невяного, но скоро опять пошла мысль одна другой мрачнѣе: какъ быть, что дѣлать? Я совершенно терялся. Вдругъ слышу — меня кто-то обливаетъ; смотрю: народъ уже начинаетъ расходиться. Обликнулъ меня красноярскій докторъ Степанъ Семеновичъ Муратовскій.

— Что съ вами? вы здоровы? — спрашиваетъ онъ меня.

Мы вышли вмѣстѣ изъ церкви. По дорогѣ я ему рассказать, что такъ сильно тревожитъ меня.

— Знаете, у меня въ Иркутскѣ есть родные; я съ удовольствіемъ побывалъ бы тамъ, во отпускъ мой не удастся: лѣтомъ опять не состоялся, а теперь и тѣмъ болѣе не отпускать; а я могъ бы сопровождать выше семейство, если бы это какъ-нибудь устроить, — сказалъ мнѣ Муратовскій.

На мой вопросъ — кто у него родные въ Иркутскѣ? — онъ отвѣтилъ, что родной братъ, архимандритъ пернокласснаго якутскаго монастыря. Это оказался мой знакомый Мартыніанъ бывшій іеромонахъ Свияжскаго монастыря.

Чего не можетъ сдѣлать мужчина, то можетъ сдѣлать женщина. Векоръ жена моя увидалась съ губернаторшей, рассказала ей свое положеніе, выразила сожалѣніе, что докторъ Муратовскій не можетъ сопровождать ее, хотя и былъ бы согласенъ. Губернаторша чисто женскимъ сердцемъ откликнулась на это и обѣщала попросить мужа устроить отпускъ Муратовскому. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ концѣ декабря я провожать семью, поручивъ ее молитвамъ святителя Николая и заботамъ Степана Семеновича Муратовскаго.

Предчувствіе мое сбылось. На полъ-пути между Красноярскомъ и Иркутскомъ, испугавшись мохнатой шапки бродяги, лошади понесли и едва доѣхали до первой станціи, какъ Господь далъ мнѣ дочь. Степанъ Семеновичъ принялъ ее на свѣтъ, былъ юспріемникомъ и отъ купели. Получивъ телеграмму о случившемся, я буквально съ ума сошелъ; тутъ уже ни что не могло остановить меня. Сдавъ старшему телеграфисту станцію, распродавъ и раздавъ, куда попало, оставшуюся обстановку, не простаясь почти ни съ кѣмъ, кромѣ Замыatina и преосвященнаго Никодима, епископа Красноярскаго, я уезжалъ изъ Красноярска. Преосвященному я отдалъ почти всю свою духовную библіотеку, въ томъ числѣ: были сочиненія св. Дмитія Ростовскаго, всѣ сполны, и много другихъ.

Нужно замѣтить, что я вообще былъ любитель чтенія, особенно же увлекался дуэльною литературой.

Я ѣхалъ безостановочно, даже ночью. Особенно памятна мнѣ одна ночь. Крытыхъ саней на станціи не оказалось, пришлось ѣхать въ кошевѣ. Тройка... У каждой дуги по валадайскому колокольчику, у коренника — два; кромѣ того, у каждой лошади на шеѣ бубенцы. Тѣмъ лѣсомъ. Морозъ трескучій. Въ воздухѣ не колыхнеть. Лошади шатаются и пофыркиваютъ. Только стонъ стонѣтъ по лѣсу отъ колокольцевъ; да по обѣимъ сторонамъ дороги, хотя и на почтительномъ разстояніи, аллюмансія изъ волчьихъ глазъ, причѣмъ нѣтъ-нѣтъ да который яблудъ изъ нихъ и завоетъ. Признаюсь, не особенно пріятно слушать этотъ концертъ и сознавать, что ты составляешь предметъ ихъ возжелѣній. Да прибавьте къ этому очень частые окрики ямщика: „держись, барня; вылетѣшь не подниму, съѣдятъ“. Гдѣ ужъ тутъ было дремать? Хотя я и приказалъ приязнать себя въ кошевѣ, но все же держался обѣими руками и творилъ молитву. Нереговъ былъ большой, и мы только къ свѣту пріѣхали на слѣдующую станцію.

Наконецъ я довхалъ я до Зиминской станціи, но семья тамъ не засталъ. Они уже уѣзжали, не дождавшись меня.

Когда всѣ хлопоты были окончены, устроивъ жену и дѣтей насколько возможно удобнѣе, Степанъ Семеновичъ съ матушкой начали осматриваться, куда они попали. Прежде всего оказалось, что они находятся въ нетопленной комнатѣ. На просьбу—дать что-нибудь закусить—получили отвѣтъ, что ничего не страпала, что хозяйка я двое дѣтей больны. Порвой заботой Степана Семеновича было затопить печку, а матушка начала готовить ужинъ изъ дорожнаго провіанта. Потомъ Степанъ Семеновичъ отправился узнать, чѣмъ больны хозяева; вернулся изволнованный, долго ходилъ и думалъ, затѣмъ сказалъ, что хозяева больны сыпнымъ тифомъ, что перебраться въ другой домъ нельзя, потому что неадѣ свирѣпствуетъ тотъ же тифъ. Подумавши и посоветовавшись между собою, рѣшили на утро ѣхать далѣе. Рано утромъ окрестили новорожденную Лидію и тронулись потихоньку въ путь. Въ дорогѣ можно было опасаться только случайностей я мороза. Что же касается удобствъ помѣщенія, то я звалъ, что это было не менѣе удобно, чѣмъ въ тѣспой, грязной комнатѣ на станціи. Тарантасъ былъ сдѣланъ по заказу, сидѣнья въ длину, какъ переднее, такъ и заднее были равно сажень, сообразно съ этимъ была я ширина ихъ. Въ этомъ тарантасѣ мы пріѣхали въ Сибирь. Теперь онъ былъ заново отдѣланъ и изъ него сдѣланъ былъ возокъ очень большой, такъ что мужики, при встрѣчѣ, кричали: „гляди, изба катить“. Я зналъ, что больную и дѣтей можно

положить удобно; недостатки въ тепломъ платьѣ тоже не было. Узнавъ, что вышли все здоровыми, я нѣсколько успокоился и, отдохнувъ, пустился опять въ дорогу догонять семью.

Однимъ изъ первыхъ визитовъ, по прїѣздѣ въ Иркутскъ, былъ, конечно, визитъ къ архимандриту Мартиніану. Онъ былъ, по прежнему, ласковый, радушный, со всеми ровный. Часто бывалъ я у него и иногда во вѣдаль его принималъ. Ласково-отечески обращался онъ ко мнѣ со словами: „чадушко мое, ты опять надурплъ“ (онъ всегда называлъ меня „чадушкой“), когда узнавалъ про какую-нибудь мою продѣлку; а надо признаться, я иногда выпивалъ и изъ такіа минуты становился шалуномъ. Бѣдотомъ, а вовсе не человѣкомъ солиднымъ. Онъ всегда былъ радушный хлѣбосолъ, всегда сердно угощалъ, когда у него приходилось бѣдвать.

— „Кушай, кушай! Да что же ты у меня ничего не ѣшь?“ — безпокоился онъ, подируя чѣмъ нибудь, не смотря на то, что гости давно уже были сыты.

Какъ я узналъ, прїѣхалъ онъ въ Иркутскъ миссіонеромъ и много, очень много добра онъ сдѣлалъ жителямъ этого края. Я самъ видѣлъ живое, ясное доказательство „пѣры отъ дѣлъ“. Вотъ за эту-то святую жизнь и за его труды Господь удостоилъ Мартиніана высокаго служенія церкви въ качествѣ ея епископа.

Слышалъ я, что и изъ Симферополя преосвященный Мартиніанъ пользуется тѣмъ же уваженіемъ и любовью своей паствы. Въ прошломъ 1894 году было праздновано двадцатипятилѣтіе его епископскаго служенія, въ честь его учреждены стипендіи его имени въ учебныхъ заведеніяхъ Симферополя.

Его же Господь удостоилъ отпѣвать тѣло въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. Царя-мпротюрца отпѣвалъ епископъ-миротворецъ. Какъ это величественно и свято!

У меня хранится портретъ Мартиніана изъ бытность еще архимандритомъ. Жаль только, что я не могу его видѣть; но, видно, такъ Богу угодно.

Кромѣ портрета Мартиніана, у меня еще хранятся четыре вида Иркутскаго монастыря, сняты въ 1864—65 году. Сняты они были при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Прїѣхалъ въ Иркутскъ фотографъ (въ Иркутскъ до того не было постоянного фотографа). Фотографъ былъ еврей. Онъ обрѣтился въ губернатору съ просьбой, — позволить снять нѣкоторые виды города, присутственныхъ мѣстъ, церкви. Но особенно одобительно отвѣсаясь въ этому администрація, но и, не видя причины отказать, разрѣшила снять

нѣкоторые виды. Архимандритъ Мартиніанъ не далъ согласія на снятіе видовъ со своего монастыря не только внутри, но даже и со нѣ. Меня въ то время уже сильно потянуло изъ Россію и я рѣшилъ добиться перевода. Выѣсть съ тѣмъ я сильно привязался и любилъ снятую обитель и братію съ нѣхъ настоятелями во главѣ. Мнѣ очень хотѣлось вѣтъ что-нибудь на память о монастырѣ. Что же можеть быть лучше фотографій тѣхъ мѣстностей и тѣхъ лицъ, гдѣ я съ кѣмъ провелъ столько пріятныхъ часовъ, гдѣ не разъ отдыхалъ отъ нолженій, отъ кого не разъ получалъ добрый совѣтъ и утѣшеніе изъ тяжелыхъ минутъ, а такихъ минутъ въ мою бытность въ Сибиріи было не мало. И я началъ просить Мартиніана разрѣшить фотографу снять хотя нѣкоторые виды. Долго не уступалъ Мартиніанъ. Наконецъ, разрѣшилъ снять нѣсколько видовъ съ нѣсти, куда, по его мнѣнію, можно было безопасно пустить оренъ-фотографа. Виды эти таковы: подъѣздъ къ монастырю съ площади (№ 1), выносъ иконы изъ собора (№ 2), братія, собравшаяся у входа къ трапезную (№ 3) и моя семья и нѣкоторые изъ братіи на могалѣ моей дочурки, на кладбищѣ у монастырской стѣны (№ 4). На всѣхъ этихъ группахъ есть и Мартиніанъ.

Наконецъ, изъ 1867 году мнѣ удалось получить хотя но переводъ, а двухъ-годичный отпускъ. Но а зналъ, что больше не вернусь въ Сибирь.

Напутственный молебномъ и задушевнымъ словомъ архимандрита Мартиніана, а также добрыми пожеланіями братіи, получивъ благословеніе иконою святителя Инокентія Иркутскаго, изгрустнувъ, что оставляю малютку, поручивъ заботу о могалѣ братіи, я уѣхалъ изъ Иркутска и больше не возвращался въ Сибирь.

Сообщила Лидія Яхонтова.

